

УДК 93/99

ВАНДЕЯ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В.А. Матвеев

VENDEE AS A VARIETY OF A CIVIL WAR

V.A. Matveev

Аннотация. Статья основывается на необычном воспроизведении одного из наблюдавшихся неоднократно в условиях различных революций историческом явлении, получившем по месту своего первоначального возникновения классификационное наименование «вандеи». Сложившись во Франции в конце XVIII – начале XIX вв. в затяжной формат противостояния, она превратилась вместе с тем в своеобразную разновидность гражданской войны. Особенностью же ее выступала провинциальная локальность. Однако по ходу вооруженного противостояния с республиканцами вандейцы по ходу конфликта с республиканцами в ряде случаев преодолевали определившуюся при возникновении ограниченность. В преобладающей степени социальную основу французской вандеи составляли не принявшие происходившие перемены крестьянские массы, включившиеся в протест совместно с местным дворянством и духовенством. Идеологией их движения явилось существовавшее ранее мировоззрение. Они стремились к восстановлению нарушенного революционными преобразованиями традиционного уклада и монархического начала в государственном устройстве. Проявлялась в их среде и приверженность католицизму. Провинциальные разновидности вандеи воспроизводились при тех или иных обстоятельствах в условиях революций и в других европейских странах. Наблюдалась она также в российских реалиях гражданской войны 1917–1920 гг. Признаки вандейского противостояния, по мнению автора, присущи были и межэтническим конфликтам на Северном Кавказе.

Abstract. The article is based on an unusual reproduction of one of the historical phenomena observed repeatedly under various revolutions, which received the classification name "Vendée" after the place of its initial occurrence. Having taken shape in France at the end of the 18th – beginning of the 19th centuries as a pro-longed format of confrontation, it turned into a peculiar kind of a civil war. Its peculiarity was in its provincial localization. However, in the course of the armed confrontation with the Republicans, the Vendée forces overcame the established limitations on a number of occasions. The predominantly social basis of the French Vendée was the peasant masses that did not accept the changes and joined the protest together with the local nobility and clergy. The ideology of their movement was a pre-existing worldview. They sought to restore the traditional way of life and the monarchical principle within the state system, which had been violated by revolutionary transformations. A commitment to Catholicism was also manifested in their environment. Provincial varieties of Vendée were reproduced under certain circumstances in the course of revolutions in other European countries as well. They were also observed in the Russian realia of the 1917–1920 Civil War. According to the author, the signs of the Vendée confrontation were also inherent in interethnic conflicts in the North Caucasus.

Ключевые слова: революционный кризис, гражданская война, межэтническая вандея, исторический феномен, традиционный уклад, приверженность монархии, республиканская альтернатива.

Keywords: revolutionary crisis, civil war, interethnic Vendée, historical phenomenon, traditional way of life, adherence to the monarchy, republican alternative.

По ряду показателей наблюдавшиеся в кризисных условиях после октябрьских событий 1917 г. в России вспышки вооруженного насилия на Северном Кавказе следует отнести, на мой взгляд, к особой разновидности вандеи. Подпадает же она в наибольшей степени под классификацию «межэтнической». Специфика такого намечавшегося противостояния в крае, расширявшегося по мере углубления революционного кризиса в стране, остается не изученной. Между тем при формировании явления межэтнической вандеи создавался прецедент разрушения складывавшегося на предшествующем этапе российского согражданства за счет соответствующей консолидации общностей с националистическим уклоном. Угроза сепаратистской сегментации в этой связи расширялась.

Феномен вандеи как разновидности гражданской войны появился еще в эпоху Великой французской революции в конце XVIII в. Происходившие тогда перемены воспринимались в обществе неоднозначно. Предпринимались попытки оказывать им противодействие. Против революционных инициатив законодательного собрания Франции 10 августа 1792 г. был поднят мятеж в провинции Нижний Мен. Спровоцировали его дворяне, приверженцы свергнутого короля Людовика XVI. Мотивировав на восстановление монархии своих крестьян, они смогли придать выступлению массовый характер. Еще на стадии локальности, оно получило наименование «шуанов». Через непродолжительное время восстание распространилось и на другие сопредельные округа, превратившись в движение. Присоединившиеся тоже получили прозвище «шуаны» [1, с. 949].

Против республиканского правительства объединилась вся Бретань [1, с. 949], имевшая в составе Франции свою региональную специфику. Революционная экстремальность способствовала ее проявлению. Движение тем не менее оказалось разрозненным, отряды шуанов действовали по отдельным местностям и имели своих вождей. Сторонники законодательного собрания Франции называли их «шайками». Впоследствии под влиянием других событий произошло их объединение [1, с. 949]. После этого при боевых столкновениях, как отмечалось в сводках, гибли тысячи республиканцев «в схватках и засадах; обе стороны действовали со страшной жестокостью» [1, с. 949]. На основе изложенного можно заметить, что из несистемного разрозненного выступления в Бретани протест против революционных перемен обрел организованность.

Особую динамику движение получило после того, как в него были вовлечены крестьянские массы департамента Вандея. Вспыхнувший там стихийный мятеж охватил затем и другие северо-западные сопредельные

провинции. Существовавшее в среде их населения недовольство нововведениями поддерживалось пропагандой английской агентуры и приверженцами свергнутой в 1792 г. монархии. Сторонники восстановления прежней формы правления состояли из представителей французского дворянства и католического духовенства, интересы которых совпадали в этом отношении с внешними силами [2, с. 955].

Произшедшие под воздействием отмеченных слагаемых события классифицируются как «вандейские войны» [3, с. 578]. Однако такое определение, не вызывающее сомнений по своей сути, несколько сужает параметры явления. Восприятие его во всей полноте предполагает все же употребление понятия «вандея», отражающего особую разновидность выбора развития страны, в котором широкое участие в отдельных провинциях приняли прежде всего крестьянские массы или иные занимающиеся сельскохозяйственным трудом категории населения. Наименование используется, к слову, для характеристики специфики противостояния, наметившегося в бывших казачьих областях Российской империи. Для достижения точности применения обратимся к событиям Великой французской революции, связанных с появлением обозначения «вандея». Данная классификация, вошедшая первоначально лишь в политический оборот, соотносилась тогда с провинциальным относительно организованным движением.

Появление его в период Великой французской революции в томе энциклопедического словаря издателей Ф.А. Брокгауза (Лейпциг) и И.А. Ефрона (Санкт-Петербург), выпущенном в 1892 г., объяснялось, в частности, тем, что обособленное в какой-то степени от остальной страны расположение северо-западных провинций придало «населению независимый, дикий характер». Существовавшие здесь условия не позволили также «развиться промышленности и просвещению» [4, с. 486]. Население Вандеи состояло из кельтов, отличавшихся от остальных граждан Франции «своим нетронутым католицизмом, отсутствием городской культуры и близостью между дворянами и крестьянами» [4, с. 486]. Обособленность проявилась и в том, что революция в среде населения провинции «не встретила сочувствия». Предвестниками же «общего восстания» являлись набеги [4, с. 486].

Революционные перемены, исключавшие постепенность и привыкание, усиливали ожесточение. Начавшееся же восстание в Вандее в энциклопедическом словаре определялось как «мятеж», который спровоцировали появившиеся в этой провинции с началом революционного кризиса во Франции в конце XVIII в. «повсеместно... вооруженные шайки». Объединившись, они обрели способность сражаться «с республиканскими полками» [4, с. 486]. Одержанные победы, отметим также в реконструкции формирования явления для дальнейших сравнений, «способствовали подъему восстания». В этих условиях учреждается «верховный совет», избирается главнокомандующий [4, с. 487], что придает выступлению оформившуюся

системность, позволявшую противостояние осуществлять при наличии организованного фронта.

Предопределившие его факторы современные исследователи усматривают в следующем: «Разрушение в результате революции традиционного уклада жизни сельского населения Франции, скупка буржуазией национализированных церковных земель, земельные спекуляции, рост налогов» [3, с. 578]. В качестве главной причины, таким образом, выделяется аграрный вопрос. Острота его отмечалась с конца XIX в. и на северокавказской окраине Российской империи. Наряду с выделенными слагаемыми события в западных провинциях Франции провоцировало католическое духовенство, воспользовавшееся существовавшим недовольством в крестьянской среде проводившейся республиканским правительством церковной политикой. Вследствие ее происходил слом традиционных конфессиональных отношений. Британское же вмешательство вызывалось намерением создать в мятежной провинции сопредельного государства плацдарм для дальнейшей интервенции [3, с. 578].

Сходные с событиями конца XVIII – начала XIX вв. в западных французских департаментах явления наблюдались по ходу вооруженных противостояний и в провинциях других европейских стран, где происходили революции [2, с. 955]. Отличались лишь конкретные события, служившие поводом для мятежных выступлений. Во Франции массовое недовольство, в частности, породил декрет Конвента от 24 февраля 1793 г., провозгласивший призыв в армию 300 тыс. человек. Мобилизация вызывалась острой необходимостью дать отпор вооруженному вмешательству из-за рубежа во внутренние дела Франции [2, с. 954]. Призыв производился, следует заметить, накануне весенних полевых работ. Из аграрного сектора мобилизацией отвлекались наиболее трудоспособные ресурсы, что создавало в земледельческой среде состояние психологического надлома, усиливавшегося ожиданием подрыва экономического положения.

Поэтому основную массу участников восстания и составляли крестьяне, сплотившиеся, несмотря на социальную дифференцированность, в общем протесте. Из своей же среды они выдвинули предводителей, взявших на себя функции военного руководства. Входили в него также обладавшие организаторским опытом представители дворянства. Религиозную мотивированность движению придало католическое духовенство, недовольное антиклерикальной направленностью нововведений [3, с. 578]. Монархистскими группировками, за которыми закрепилось наименование «роялистов», представителями церкви и английской агентурой недовольству была придана лишь идеологическая перспектива, нацеливавшая восставших на восстановление власти короля и приверженность вероисповедной традиции. Это общало движению устойчивость.

Мятеж в департаменте Вандея начался, как и всякие крестьянские выступления, стихийно 10 марта 1793 г., когда состоялся сбор призывников [2, с. 955]. Массовость придавали и провожавшие родственники. До этого недовольство

поддерживалось только разговорами в семьях. Концентрация крестьян в одном месте породила уверенность в возможности изменения ситуации. По такому же сценарию развивались акции неповиновения чуть позже и в соседних северо-западных провинциях [2, с. 955]. Начавшись 10 марта 1793 г. в департаменте Вандея, восстание через непродолжительное время охватило еще три западные провинции Франции (Анжу, Бретань и Пуату). Численность его участников достигла около 40 тыс. человек [3, с. 578].

Количество же участников набегов, отметим для сравнения, в северо-восточных ареалах Кавказа даже в период наивысшей активности в конце 1917 – начале 1918 гг. была незначительной. Максимальные показатели ее составляли несколько сот человек, что позволяет судить об отсутствии массовости участников. Появлялась она лишь тогда, когда не прекращавшимися «грабежами и разбоями» провоцировались межэтнические конфликты. Возникновение их вызывалось в ряде случаев и действиями отдельных групп русского населения, в среде которого также на какое-то время возникала сплоченность, свидетельствующая о складывании явления межэтнической вандеи. В противостояние вовлекались и военнослужащие Кавказской армии, призванные в нее из других регионов страны. Но вспышки насилия быстро прекращались.

Незаинтересованность в продолжении конфликта проявляло как горское, так и русское население. Этническая консолидация на основе национального оказывалась временной и претерпевала распад. Российское общегражданское тяготение для основной массы населения оказывалось более мощным фактором. Но конфликтные ситуации исчезали не бесследно. Оставшиеся после них настроения могли, безусловно, послужить прологом для более масштабной конфронтации. Между тем, несмотря на такую опасность, и в период обострения обстановки в конце 1917 – начале 1918 гг. системообразующий показатель наивысшей фазы гражданской войны, наличие фронтов, так и не появился. Подобие их существовало лишь непродолжительный промежуток времени.

В вандейских войнах во Франции наличие фронтов отмечалось уже в самом их начале, что свидетельствовало о глубине предопределявших их истоков. Не исчезли признаки системности и после разгрома мятежников при Шоле 17 октября 1793 г. Остановить приток пополнения в их отряды из среды крестьянства западных провинций республиканцам не удалось и тогда, когда два месяца спустя основные силы шуанов и вандейцев оказались разгромленными. Положения не изменил и предпринятый «революционный террор», в ходе которого ставка делалась исключительно на истребление [3, с. 578]. В январе–мае 1794 г. против населения мятежных провинций были проведены массовые репрессии [3, с. 578].

В статье энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона приводятся данные, что около «10 000 пленных вандейцев были... перебиты, без различия пола и возраста», а отправленных в Нант для определения дальнейшей

судьбы было также приказано «массами расстреливать и топить» [4, с. 487]. После этого в вандейском противостоянии наметился спад, сменившийся новым подъемом, как только британским флотом был высажен летом 1795 г. отряд роялистов, состоявший из эмигрантов. За счет притока свежих сил явление вандей вновь восстановилось в качестве движения [3, с. 578]. Появился и фронт как показатель непримиримости сторон.

Наиболее ожесточенный характер «вандейские войны» во Франции достигли в период до 1795 г. Именно тогда они обрели наивысшую за весь период организованность. У мятежников появилась даже армия, получившая наименование «католической и королевской армии Бретани» [1, с. 949]. Но проявления бунтарства, несмотря на это, до конца все же так и не были устранены. Вовлеченные в противостояние со сторонниками революционных перемен крестьяне департамента Вандея и сопредельных с ним северо-западных провинций проявляли особую жестокость. Отряды их, занимавшие села и города, по свидетельствам очевидцев, «жгли, грабили и убивали население» [2, с. 955]. Не случайно за участниками погромов закрепилось наименование с негативным оттенком «вандейцы». В дальнейшем связанные с ними события стали рассматриваться как разновидность гражданской войны.

Мятеж в северо-западных провинциях Франции, которому присваивается еще по ходу его развития классификация «вандея», был подавлен лишь в 1796 г. республиканским генералом Л. Гошем. Отдельные же отряды сохранились и продолжали действовать до 1799 г. За весь период противостояния население сократилось. Погибло по существующим подсчетам от 117 до 250 тыс. человек [2, с. 955]. Лишь при «первом консуле» Наполеоне Бонапарте в январе–феврале 1800 г. состоялось «полное покорение» принимавших участие в вандейском движении [4, с. 487]. Силовое воздействие в предпринятых им мерах явилось лишь началом в устранении вандейской угрозы. Наполеон Бонапарт, не прибегая к применявшемуся ранее истреблению участников движения, провел в северо-западных провинциях Франции ряд преобразований [1, с. 950].

Изменению подверглась прежде всего демографическая ситуация, что привело к ослаблению соответствующего контакта в сложившейся общности, воспроизводившей мятежные устремления. По указанию Наполеона Бонапарта «годных в службу» призвали в армию, а «более опасных» сослали в Сан-Доминго [1, с. 950]. Демографическая составляющая, следует заметить, учитывалась и руководством Российской империи, когда с началом Первой мировой войны «из толщи народностей» на Северном Кавказе «был извлечен наиболее горячий элемент и отправлен далеко за пределы их земель» [5, с. 35]. Причем мобилизация в данном случае опиралась на общий патриотический подъем, получивший поддержку и у мусульманского духовенства. Турецкой ориентации придерживались лишь отдельные его представители. Производилось же «извлечение» с благородной мотивацией защиты отечества.

Но объем призыва на принципах всеобщей воинской повинности и добровольности оказался все же различным, что привело к нарушению существовавшего на северокавказской окраине демографического баланса. Это обстоятельство сыграло немаловажную роль в активизации набеговой практики, провоцировавшей формирование вандейской разновидности противостояния. Определяющее значение при этом имели изменения соотношения численности мусульманского и православного населения. Сказывалась, безусловно, и возросшая существенно концентрация подразделений Кавказской армии, состав которых формировался и за счет призыва из других регионов Российской империи. Происходило массовое соприкосновение этнических групп, не имевших опыта солидарного взаимодействия.

Происходило же это в ареале не устраненного цивилизационного разлома, где религиозный фактор не перестал еще, несмотря на сложившуюся российскую идентичность преобладающей части мусульманского населения, играть разделяющую роль. Подразделения же Кавказской армии на протяжении ряда лет участвовали в военном противостоянии с государством, использовавшим панисламизм в качестве враждебной идеологической технологии. Вернемся к анализируемой разновидности гражданской войны, получившей утвердившееся еще при появлении в период Великой французской революции обозначение «вандеи». Для устранения обстоятельств, способствовавших воспроизводству явления в обладавших спецификой местностях Франции, Наполеон с 1804 г. постарался поднять благосостояние мятежных провинций [1, с. 950]. Ставка на силовую составляющую и проведение реформ и в этом случае проявила суть политики бонапартизма.

Опыт ее впоследствии применялся в Европе при устранении кризисных состояний на завершающих стадиях других революций, когда породившие их проблемы получали в той или иной степени хотя бы частичное разрешение. Однако воздействие контакта поколений при устранении вандейской угрозы в северо-западных провинциях Франции при проведении политики бонапартизма оказалось лишь ослабленным. Явление продолжало воспроизводиться. Мятежи с прежней идеологической мотивацией происходили еще в 1813 и 1815 гг., а состояние предопределявшего их гражданского раскола сохранялось и в более отдаленные периоды [1, с. 950]. Вандейцы и шуаны совместно поднимались неоднократно на восстания [1, с. 950], а после их подавления сохраняли прежние настроения, передавая их последующим поколениям.

Северо-западные провинции Франции удалось все же усмирить. Но после неудачного «русского похода 1812 г.» сепаратизм вандейцев вновь проявился, получив выражение в отказе «платить подати и выставять рекрут» [4, с. 487]. Как можно заметить, классический вариант вандеи имел не только провинциальный контент, отражавший местную специфику. В нем также прослеживалось наличие субэтнической составляющей, свидетельствовавшей о неравномерности процесса складывания нации. В российских

условиях явление указывало на состояние интегрированности в согражданство, формирование которого не обрело завершенности.

Особенностью же вандейской стихии на Северном Кавказе являлась не социальная, как в европейских аналогиях противостояния, а намечавшаяся этническая сплоченность. Но признак системности в виде фронтов не обрел устойчивости. Конфронтация встречала противодействие, как со стороны русского, так и горского населения Терской области и в других частях Северного Кавказа. Однако гражданские войны имеют и другие проявления, остававшиеся иногда в состояниях начинавшихся трансформаций и не достигавших высших фаз. Наряду с классическими вариантами складывались и исторические разновидности. В европейских странах также наблюдались в условиях революционных кризисов ситуации, когда тот или иной народ как бы единым монолитом поднимался против другого в пределах неоднородных по составу населения государств, добиваясь чистоты «своей» территории и ее сепаратистского обособления.

В обычном, классическом типе вандеи таким монолитом, как правило, выступало крестьянство (зажиточное, среднее и беднейшее), боровшееся за реставрацию порушенных радикальными переменами существовавших ранее порядков. Социальная сплоченность в явлении выступала важнейшим типологическим признаком. Историческая разновидность вандеи на Северном Кавказе в период гражданской войны в России основывалась на возможности достижения этнической консолидации. Сообщались ей соответственно и националистические свойства. Первоначально при проявлениях вандеи в восточных районах северокавказской окраины, преимущественно в контактной зоне расселения чеченцев, ингушей, терских казаков и другого русского населения, встречалось все, что ей обычно присуще, вплоть до взаимных погромов, приводивших к перемещению населения и появлению беженцев, точное количество которых из-за пробелов статистики подсчитать невозможно, равно как и обоюдные жертвы.

Но при этом антирусская направленность погромов в связи с образовавшейся значительной диспропорцией в соотношении мужского населения (мусульмане с началом Первой мировой войны, как и прежде, призывались в армию на основе добровольности) была все же более мощной. Наивысшей остроты противостояние в северо-восточных ареалах Кавказа достигло в конце 1917 – начале 1918 гг. Нападения же на русские поселения поддерживали и отдельные представители мусульманского духовенства. Однако преобладающая его часть выступала все же против, стихийно включаясь в противостояние с теми, кто совершавшимся разбоем провоцировал межэтнические конфликты. В качестве идеологии в этом случае действовал шариат.

Активизировалось в условиях революционной разбалансированности российской государственности и вмешательство из-за рубежа в происходившие события на Северном Кавказе. При этом реализовывалось, в том числе стремление придать им националистическую и религиозную окраску.

Об этом по ходу гражданской войны неоднократно направлялись донесения в различные ведомства. В Народный комиссариат по делам национальностей поступала, к слову, информация, что «турецкие, немецкие и английские агенты не оставили в покое разноплеменной Кавказ и... сеют там рознь» между казачеством и горским «крестьянством» [6, л. 82–83]. В восприятие привносилось уже тогда, как видно, классовое измерение. Однако суть происходившего, на мой взгляд, передана верно. По признанию канцлера Германии, его страна действительно, воспользовавшись затруднительным положением России, для закрепления разрушительных последствий революционного кризиса «занималась фабрикацией самостоятельных образований» на Кавказе [6, л. 74].

Развитие гражданской войны по сценарию межэтнической вандеи, таким образом, провоцировалось, как и в классическом варианте, вмешательством извне. Между тем в российских условиях интегрированность населения независимо от этнической принадлежности обрекла явление, как можно заметить по предшествующему анализу, на распад и предопределила несостоятельность данной альтернативы даже в северокавказском крае, в пределах которого преодоление цивилизационных нестыковок к моменту революционного кризиса не завершилось. Но при обострении отношений вследствие провокаций разъединяющие слагаемые обретали лишь временную функциональность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Энциклопедический словарь. Том XXXIX-А. Шенье–Шуйский монастырь. Издатели Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). – СПб. : Типография Акц. общ. «Брокгауз–Ефрон», 1903. – С. 949.
2. Советская историческая энциклопедия. Т. 2. – М. : Советская историческая энциклопедия, 1962. – 1023 с.
3. Чудинов, А. В. Вандейские войны / А. В. Чудинов // Большая российская энциклопедия. Т. 4. Большой Кавказ – Великий канал. – М. : Изд-во БРЭ, 2006. – С. 578.
4. Энциклопедический словарь. Т. V-А. Вальтер–Венути. Издатели Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). – СПб. : Типо-Литография И.А. Ефрона, 1892. – С. 486–487.
5. Масловский, Е. В. Великая война на Кавказском фронте. 1914–1917 гг. / Е. В. Масловский : Военные мемуары). – М. : Вече, 2015. – 544 с.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1318. Оп. 1. Д. 619.

REFERENCES

1. *Enciklopedicheskij slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Publ. by F.A. Brokgauz, I.A. Efron. SPb.: Tipografiya "Brokgauz-Efron", 1903, vol. XXXIX-A, p. 949. (In Russian).
2. *Sovetskaya istoricheskaya enciklopediya* [Soviet Historical Encyclopedia]. M.: Sovetskaya istoricheskaya enciklopediya, 1962, vol. 2. 1023 p.
3. Chudinov A.V. Vendee Wars. *Bol'shaya rossijskaya enciklopediya = Great Russian Encyclopedia*, M., 2006, vol. 4, p. 578. (In Russian).

4. *Enciklopedicheskij slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Publ. by F.A. Brokgauz, I.A. Efron. SPb.: Tipografiya I.A. Efrona, 1892, vol. V-A, pp. 486-487. (In Russian).

5. Maslovskiy E.V. *Velikaya voyna na Kavkazskom fronte* [A Great War on the Caucasian Front]. 1914–1917. M.: Veche, 2015. 544 p.

6. *Gosudarstvennyy arhiv Rossijskoy Federacii* [The State Archive of the Russian Federation]. F. 1318, Inv. 1, C. 619.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Матвеев В.А. Вандея как разновидность гражданской войны / В.А. Матвеев // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 2. – С. 59–68.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Matveev V.A. Vendee as a Variety of a Civil War / V.A. Matveev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 2, pp. 59–68. (In Russian).